

Периодическое издание «Новости взаимодействия с судебными органами» (JEU) выпускается Отделом по вопросам политики и правового обеспечения (PLUS) два раза в месяц. В нем содержится обзор основных судебных решений по вопросам предоставления убежища и деятельности УВКБ в области взаимодействия с судебными органами в Европе на национальном и наднациональном уровнях. Согласно стратегии Европейского Бюро (ЕБ) УВКБ ООН взаимодействия с судебными органами и приоритетами ЕБ в этой области, эта деятельность включает преимущественно судебные вмешательства, неофициальную поддержку стратегических судебных процессов, инициатив в области обучения/наращивания потенциала как извне (для юристов и судей), так и изнутри (для коллег по УВКБ). Для получения дополнительной информации об этом выпуске и по вопросам взаимодействия с судебными органами, обращайтесь к координатору по вопросам взаимодействия с судебными органами Самюэлю Бутрюшу по адресу boutruch@unhcr.org

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ

- Апелляция в Суд ЕС по искам в отношении Соглашения ЕС-Турция об аннулировании (стр.1)
- Дела «Джафари» и «А.С.»: Суд ЕС определяет «незаконный въезд» согласно Дублинскому регламенту (стр.1)
- Заключение ГП Шарпстона о сроках и гарантиях согласно Дублинскому регламенту (стр.3)
- СУД ЕС признает подлежащие защите права в соответствии с Регламентом «Дублин III» (стр.4)
- Нидерланды направляю преюдициальный запрос касательно временных ограничений согласно Дублинскому регламенту (стр.6)
- В контексте дела о НБСВ в транзитной зоне ЕСПЧ рассмотрит новую политику Венгрии в отношении убежища (стр.9)
- Неофициальное вмешательство УВКБ в дело о выдворении в Турцию (стр.9)

- Франция: заявители должны быть лично уведомлены о слушании, даже если у них есть адвокат (стр.10)
- Нидерланды: Переводы в Италию остановлены из-за отсутствия индивидуальных гарантий (стр.10)

Суд Европейского Союза

Дело «НФ, НГ и НМ (NF, NG and NM) против Европейского совета» (дела C-208/17P, C-209/17P и C-210/17P)
Апелляция в Суд ЕС по искам в отношении Соглашения ЕС-Турция об аннулировании

Три заявителя, которые подали иски об аннулировании в Общей суд ЕС в отношении Соглашения ЕС-Турция, подали апелляции в Суд ЕС. Общий Суд ранее пришел к выводу, что он не обладает юрисдикцией для вынесения решения по искам, поскольку это не законодательный акт ЕС, а «соглашение,

заклученное главами государств и правительствами государств-членов ЕС с премьер-министром Турции».

В апелляциях в Суд ЕС истцы требуют от него отложить решение Общего суда, принятое в феврале 2017 года и передать вопрос в тот же Суд с указанием принять юрисдикцию.

Дело «А.С. против Словенской республики» (С-490/16), а также «Хадиджа Джафари и Зайнаб Джафари (Khadija Jafari and Zainab Jafari) против Федерального ведомства по вопросам иностранцев и убежища» (дело С-646/16) СУД ЕС, 26 июля 2017 года

Суд ЕС определяет «незаконный въезд» согласно Дублинскому Регламенту

Суд ЕС опубликовал долгожданные решения по делам А.С. и Джафари, которые касались роли Регламента «Дублин III» в отношении пересечения границ между Словенией и Австрией, с одной стороны, и Хорватией и Австрией, с другой стороны, соответственно.

Эти дела возникли в контексте ситуации на Западных Балканах в 2015-2016 годах, когда ряд стран согласился содействовать дальнейшему перемещению лиц, ищущих убежища, в страны убежища в ЕС. Австрийские и словенские суды направили вопросы в Суд ЕС, чтобы выяснить, могут ли массовые пограничные переходы, разрешенные по гуманитарным соображениям, рассматриваться как выданные визы в

соответствии с Шенгенским пограничным кодексом границ (ШПК) или, скорее, будут рассматриваться как «незаконный въезд» согласно Дублинскому Регламенту.

Суд ЕС пришел к выводу, что выдача визы требует каких-то позитивных действий, «официально принятых» ГЧ, и что «простая толерантность» не является визой. Это различие основано на различии между визой (которая, согласно Суду ЕС, представляет собой документ, *который разрешает въезд*) и *въездом* на территорию. Разрешение на въезд заявителей в этих делах, хотя и облегчалось несколькими ГЧ в ответ на возникшие в то время «исключительные обстоятельства», не приравнивался к выдаче визы.

Суд ЕС установил, что ***любое пересечение границы в нарушение «правил, применимых в ГЧ», было бы незаконным***. Далее, чтобы рассмотреть вопрос о статусе гуманитарного въезда в соответствии с ШПК, который, по мнению Суда ЕС, будет действительным только для страны, которая разрешила дискреционный въезд, и будет по-прежнему составлять «незаконный въезд» в контексте Дублинского Регламента, Суд ЕС может принять Дублинский Регламент как единственный применимый инструмент в таких ситуациях. Если гуманитарный въезд в рамках ШПК продолжает оставаться «незаконным» согласно Дублинскому Регламенту, он оказывается излишним в рассматриваемой ситуации в рамках текущего дела.

Суд ЕС отметил, что Дублинский Регламент не определяет «незаконный въезд», и поэтому этот термин следует понимать со ссылкой на цель Регламента. Далее Суд ЕС подчеркнул, что эту классификацию гуманитарного въезда как «незаконного» следует понимать как механизм, обеспечивающий ответственность каждого ГЧ перед всеми другими ГЧ за свои действия в отношении въезда и проживания граждан третьих стран (ГТС). Поэтому Дублинский Регламент был описан как **обеспечение безопасности системы** в исключительных обстоятельствах, когда существует большое количество заявителей.

Такое позиционирование Дублинского Регламента как наиболее всеобъемлющего инструмента, применимого к таким ситуациям, было дополнительно продемонстрировано ссылкой Суда ЕС на положения о суверенитете, содержащиеся в Статье 17 Дублинского Регламента. Суд подтвердил свою позицию о том, что, если ГЧ выбирает действовать «в одностороннем порядке или в двустороннем порядке в духе солидарности», оно должно сделать это, используя положения, содержащиеся в Дублинском Регламенте правилах.

Таким образом, Суд ЕС вынес решение против заключения Генерального Прокурора Шарпстона (сообщается в выпуске «Новости взаимодействия с судебными органами № 9»). ГП Шарпстон также считал, что безвизовый въезд в нарушение Дублинского Регламента не может приравниваться к визе согласно ШПК, но пришел к выводу, что рассматриваемая

ситуация в этих двух случаях не касается «незаконного пересечения границы». ГП описал соглашение, согласно которому заявители осуществляли въезд и транзит через ГЧ в нарушение Дублинского Регламента из-за исключительных обстоятельств, существовавших в то время.

Этот случай может быть противопоставлен «Делу о бельгийской гуманитарной визе» за март 2017 года (сообщается в выпуске «Новости взаимодействия с судебными органами № 3»), где Суд ЕС также вынес решение, противоречащее заключению ГП Менгоцци по вопросу о том, имеет ли сирийская семья из Алеппо право на гуманитарную визу в соответствии с законодательством ЕС. В этом деле Суд ЕС сосредоточился на техническом обосновании того, что краткосрочная гуманитарная виза в соответствии с Визовым кодексом ЕС не может быть выдана в случаях, где ясно, что семья намеревается подать заявление о предоставлении убежища в Бельгии. Семья утверждала, что у бельгийских властей было положительное обязательство согласно ХПЧЕС после того, как они подали заявление на получение краткосрочной визы, поскольку в Визовом кодексе предусматривается, что виза выдается, когда ГЧ считает это необходимым из-за своих международных обязательств. Суд ЕС обошел стороной сложный вопрос о построении позитивных обязательств в рамках ХЕСОП, считая, что поскольку законодательство ЕС не применимо, то не применима и Хартия. Суд ЕС сослался на положения ДПУ и Дублинского Регламента, отметив, что эти документы содержат ссылки на заявления, сделанные «на территории, в

том числе на границе [...], но не просьбы о предоставлении дипломатического или территориального убежища, поданные представителям государств-членов (п. 49).

В обоих случаях Суд ЕС применяет широкое определение сферы применения инструментов ОЕСПУ. **Даже в исключительных ситуациях, когда заявители сталкиваются со значительными трудностями**, ответ должен быть организован посредством применения существующих законодательных инструментов. Опора на односторонние или двусторонние соглашения недопустима, и положения документов ОЕСПУ не следует объединять с использованием других документов законодательства ЕС, таких как Визовый кодекс или ШПК.

Дело «Шури (Shiri)» (Дело С-201/16), Суд ЕС, 20 июля 2017 г Заключение ГП Шарпстона о сроках и гарантиях в Дублинском Регламенте

В этом случае заключение ГП было опубликовано в отношении Статьи 27 Дублинского Регламента (право на эффективное средство правовой защиты). Верховный административный суд Австрии планировал установить, может ли проситель международной защиты опираться на неспособность запрашивающего государства-члена выполнить решение о передаче в течение шестимесячного срока, установленного в Регламенте, согласно Статье 27. Он также спрашивал, что должно произойти, если **передача не состоится в течение установленного срока** и как тогда должны применяться

правила Статьи 29 (2) относительно возможного продления срока рассмотрения при определенных обстоятельствах.

Предварительное постановление возникло, когда гражданин Ирана, который ранее подал заявление на международную защиту в Болгарии, через месяц отправился в Австрию и подал еще одно заявление на месте. Его заявление было отклонено как неприемлемое, и было выдано распоряжение о его депортации и передаче в Болгарию. Он обжаловал решение о неприемлемости и потребовал приостановить передачу в Болгарию. Впоследствии его жалоба была отклонена в следующем решении органа первой инстанции, после чего он обратился в Федеральный административный суд (ФАС). Истец утверждал, что поскольку шестимесячный срок, указанный в Статье 29 (1) Регламента, закончился, а его передача так и не была осуществлена, Австрия стала государством-членом, ответственным за рассмотрение его заявления о предоставлении убежища.

ФАС отклонил его апелляцию, постановив, что решение о пересмотре его заявления имеет юридический эффект приостановления, что означает, что шесть месяцев не прошло. Преюдициальный запрос в Суд ЕС был направлен именно в связи с апелляцией на это решение. Истец утверждал, что, согласно законодательству Австрии, приостанавливающий эффект **должен быть запрошен заявителем (т. е. не вступает в силу автоматически)**, и поэтому решение о передаче не было приостановлено.

Что касается первого вопроса, то ГП отметил, что Комиссия первоначально решила, что апелляция или пересмотр решения о передаче согласно Статье 29 подпадает под действие Статьи 27 (1). Однако позднее Комиссия изменила позицию в своих письменных материалах и приняла противоположное мнение. ГП отметил, что предыдущая позиция Суда ЕС, изложенная в деле «Абдуллахи (*Abdullahi*)», заключается в том, что заявитель может оспорить передачу только в свете наличия системных недостатков в принимающей стране. Вместе с тем, ссылаясь на дело «Гезельбаш (*Ghezelbash*)», ГП счел, что средство правовой защиты, предусмотренное в Статье 27, должно быть эффективным, и что признание права на такое средство правовой защиты не подрывает цели этого положения (чтобы позволить ГЧ установить практические данные о передаче и убедиться, что заявители не остались в неопределенной ситуации). Таким образом, ГП заключает, что Статью 27 (1) следует толковать как означающую, что в принципе заявитель на международную защиту может поставить под сомнение решение о передаче на основании того, что срок истек.

Второй вопрос заключался в том, становится ли ГЧ, которое не выполняет решение о передаче в течение установленного периода времени, ответственным, если запрашиваемое ГЧ не сообщило запрашивающему ГЧ, что теперь оно отказывается «забрать» заявителя. ГП опирается на формулировку Статьи 29 (2), чтобы сделать вывод о том, что в ней **не прописана необходимость, чтобы отказывающееся ГЧ предприняло позитивное действие.**

Далее ГП применил этот факт к делу истца и отметил, что отсутствует ясность в том, как ГЧ должно гарантировать осуществление гарантий, закрепленных в Статье 27 (3) Дублинского Регламента, поскольку для этого существуют различные способы (то есть, либо посредством автоматического приостанавливающего эффекта, либо предоставив заявителям возможность запросить приостанавливающий эффект). В австрийской системе Статья 27 дает заявителям возможность потребовать приостановления решения о передаче. В деле истца такого решения не было, но ему фактически разрешили остаться в Австрии до принятия решения по его апелляции на решение о передаче. ГП счел, что Статья 29 предусматривает, что шестимесячный срок должен начинаться с того момента, когда было принято окончательное решение по существу жалобы заявителя, и когда единственными вопросами, которые необходимо рассмотреть, являются практические вопросы. Это вопрос, который должен решать национальный орган, поскольку он входит в сферу национальной процедуры. ГП заключил, что дело заявителя может подчеркнуть пробелы в действующем законодательном режиме в Австрии.

Дело «Муса Сако (Moussa Sacko)» против Территориальной комиссии международной защиты Милана, (Дело С-348/16), Суд ЕС, 26 июля 2017 года

Отсутствие абсолютного права быть заслушанным в апелляциях по явно необоснованным делам

Суд ЕС постановил, что национальные суды могут признать дело «явно необоснованным» **без опроса истца до принятия этого решения**. Такие полномочия ограничиваются некоторыми предварительными условиями.

Согласно законодательству Италии, судебный орган, пересматривающий отрицательное решение национального органа по заявлению о международной защите, не обязан заслушивать истца, если он был опрошен на предыдущем этапе процедуры. Дело касалось истца из Мали, который подал заявление о предоставлении убежища в Италии, которое было отклонено на том основании, что он считался экономическим мигрантом. Заявитель подал апелляцию в Трибунал в Милане, который решил продолжить разбирательство и передать вопрос в Суд ЕС относительно того, разрешалось ли **в случаях, которые считаются «явно необоснованными», выносить решение по апелляции без проведения предварительных расследований и предоставления заявителю права быть заслушанным еще раз.**

Суд ЕС рассмотрел несколько соответствующих статей Директивы о процедурах предоставления убежища (ДПУ) и пришел к выводу, что, хотя в законодательстве закреплено

целый ряд гарантий, **конкретного права быть заслушанным в органе, ответственном за рассмотрение решения первой инстанции, не существует.** Суд ЕС подчеркнул, что принцип искреннего сотрудничества, изложенный в Статье 4 (3) Договора о Европейском Союзе (ДЕС), требует, чтобы ГЧ обеспечивало судебную защиту прав человека в соответствии с законодательством ЕС, а Статья 19 (1) ДЕС требует, чтобы ГЧ предоставляло средства правовой защиты, достаточные для обеспечения эффективной правовой защиты в областях, охватываемых законодательством ЕС.

Суд подтверждает, что **право быть заслушанным является общим принципом права ЕС, но подчеркивает, что основные права не являются «свободными прерогативами и могут быть ограничены».** Суд ЕС согласен с более ранним заключением Генерального Прокурора Кампоса Санчеса-Бордоны, в котором говорится, что до тех пор, пока судебный орган не рассмотрит жалобу и посчитает ее допустимой с учетом его обязательства гарантировать судебную защиту, на этом этапе гарантировать право быть заслушанным нет необходимости. Фактически, Суд ЕС считает, что, исходя из того, что считается, что как заявитель, так и ГЧ должны принять решение по заявлению на международную защиту как можно скорее (Пункт 18 ДПУ), может быть предпочтительнее не проводить такое слушание.

Суд повторил, что **ни Статья 47 ХФП, ни Статья 6 (1) ЕКПЧ не содержат абсолютного обязательства проводить публичные слушания.** Нарушение права на эффективную судебную

защиту должно рассматриваться в связи с конкретными обстоятельствами каждого дела.

С другой стороны, если суд или трибунал считает, что заявителю должно быть предоставлено право на слушание для проведения полной и ex nunc экспертизы, это слушание является существенным процессуальным требованием, которое нельзя отменить по причине скорости рассмотрения.

Дело «Цезегаб Менгештаб (Tsegegab Mengesteab)» против Федеративной Республики Германия» (Дело С-670/16), Суд ЕС, 26 июля 2017 года

Суд ЕС признает подлежащие защите права в соответствии с Регламентом «Дублин III»

Суд ЕС сделал вывод о том, что Статья 27 Регламента «Дублин III» дает заявителям право оспорить решение о передаче, принятое в соответствии с этим Регламентом, на основании того, что установленный срок для подачи запроса на передачу истек.

Дело касалось жалобы гражданина Эритреи, который запросил убежище в Германии. В день подачи заявления ему было выдано первоначальное свидетельство о регистрации, и почти через месяц - постоянное свидетельство о регистрации. Ему было разрешено подать заявление о предоставлении убежища через девять месяцев после получения первоначального свидетельства о регистрации его намерения просить убежища. В то время власти ввели его отпечатки

пальцев в базу Eurodac и обнаружили, что ранее у него уже снимали отпечатки в Италии. Власти Германии сообщили итальянским властям, что они берут на себя ответственность за заявителя. Позднее было принято решение о его передаче в Италию, поскольку было установлено, что для его высылки нет никаких препятствий. Заявитель обжаловал это решение в Административном суде в Миндене и обратился с просьбой о приостановлении действия решения, которую Суд удовлетворил.

Заявитель утверждал, что **ответственность за рассмотрение его заявления перешла к Италии, поскольку истек трехмесячный срок для получения полномочий согласно Дублинскому Регламенту.** Власти Германии утверждали, что время первоначальной регистрации требования не совпадает со временем формальной подачи заявления, и поэтому официальный срок еще не начался.

В этот момент Административный суд прекратил разбирательство и направил в Суд ЕС одиннадцать вопросов, которые касались процедурных аспектов Дублинского Регламента, в частности, сроков и передачи ответственности от одного ГЧ к другому. Особое значение придавалось вопросу о том, означает ли право на эффективное средство правовой защиты, указанное в Статье 27 Дублинского Регламента, что заявитель может оспорить решение о передаче, опираясь на истечение срока.

Во-первых, Суд ЕС согласился с заключением генпрокурора Шарпстона и постановил, что на основе расширенных гарантий, предоставленных лицам, ищущим убежища, в соответствии с Регламентом «Дублин III» и его общей целью быстрого определения ГЧ, ответственных за предоставление убежища, право на эффективное средство правовой защиты также **распространяется на право заявителя оспаривать решения о переводе, если ГЧ не укладываются в установленные сроки, чтобы направить запрос на передачу ответственности.** Это смещение ответственности не требует какой-либо реакции от запрашиваемого государства-члена.

Во-вторых, Суд постановил, что двухмесячный период для подачи запроса на передачу ответственности, если заявитель обнаружен в базе Eurodac, **не является совокупным с общим трехмесячным периодом на запрос на передачу ответственности.** Этот период должен начинаться с того момента, когда власти обнаруживают положительный результат в базе данных. Сокращенный период обосновывается общими целями Регламента и тем фактом, что наличие отпечатков в базе Eurodac является убедительным доказательством незаконного пересечения границы, что, скорее всего, ускорит определение ответственного государства-члена.

Наконец, Суд ЕС, не приняв мнение генпрокурора Шарпстона, постановил, что для того, чтобы заявление считалось «поданным» согласно Дублинскому Регламенту, **нет необходимости, чтобы письменный документ,**

подготовленный для этой цели, имел четко определенную форму или включал дополнительную информацию, относящуюся к применению критериев Дублинского Регламента. Достаточно, чтобы компетентный орган был четко уведомлен о том, что гражданин третьей страны обратился за международной защитой.

Суд ЕС утверждал, что эффективность важных гарантий, предоставленных заявителям, будет ограничена, если получения письменного документа, например, рассматриваемого в основном разбирательстве, недостаточно для того, чтобы продемонстрировать, что заявление на международную защиту подано. Однако Суд ограничил это определение Дублинским Регламентом и выступил против его корреляции с «размещением» и «составлением» заявления в соответствии с Директивой о процедурах предоставления убежища.

Дело «Оухрами(Ouhrami)» (Дело C-225/16), Суд ЕС, 26 июля 2017 года

Суд ЕС выносит постановление о запрете на въезд в соответствии с Директивой о возврате

Это дело касается предлагаемой принудительной высылки гражданина Алжира в соответствии с Директивой о возврате. Власти Нидерландов возбудили иск против заявителя на том основании, что он находился в Нидерландах в течение двух лет, хотя в 2002 году он был объявлен «**нежелательным иностранным гражданином**».

После того, как заявитель был признан виновным в совершении ряда преступлений, и был выпущен десятилетний запрет на въезд в Нидерланды, он был определен как лицо, представляющее собой угрозу государству. Заявитель получил уведомление о необходимости покинуть страну, которое он проигнорировал. Позднее он был признан виновным в том, что не покинул страну после получения распоряжения, но обжаловал приговор на том основании, что **процедура, изложенная в Директиве о возвращении, не была завершена**. Апелляционный суд в Амстердаме постановил, что безусловный тюремный срок, в частности, присужденный этому человеку, не будет соответствовать Директиве и может поставить под угрозу создание эффективных процедур высылки в ГЧ. В данном случае суд Амстердама пришел к выводу, что **процедура фактически была завершена** и распорядился лишить истца свободы.

Он подал в апелляцию в Верховный суд Нидерландов, что суд допустил ошибку с приговором в его отношении, поскольку решение, объявившее его нежелательным, утратило силу, поскольку его следовало рассматривать как эквивалент запрету на въезд, который не может превышать пяти лет в соответствии со Статьей 11 (2) Директивы о возврате.

Верховный суд направил в Суд ЕС следующие вопросы: (1) следует ли исчислять исходный момент периода применения запрета на въезд **с даты, когда было принято решение о наложении запрета, с даты, когда лицо фактически покинуло**

территорию или с какой-либо другой даты; (2) могут ли решения, принятые до вступления в силу этой Директивы, иметь юридическую силу, если в то время, когда эта Директива должна была быть перенесена на другое время или в момент, когда было установлено, что лицо, в отношении которого было принято это решение, присутствовало в Нидерландах, продолжительность запрета на въезд превышала период, установленный в этом положении.

По первому вопросу Суд ЕС установил, что отправная точка продолжительности запрета на въезд, **которая в принципе не может превышать пяти лет**, должна рассчитываться с даты, когда соответствующее лицо **фактически покинуло территорию ГЧ**. Затем он пояснил, что в Директиве проводится различие между «решением о возвращении» и «запретом на въезд». Пока обязательство вернуться соблюдается добровольно или осуществляется принудительно, и это лицо фактически покинуло ГЧ, незаконное пребывание лица регулируется решением о возврате, а не запретом на въезд. Запрет на въезд имеет юридические последствия только после того, как человек фактически выехал из страны. Суд также пояснил, что цель Статьи 11 была бы скомпрометирована, **если бы отказ гражданина третьей страны выполнить обязательство вернуться позволил ему избежать юридических последствий запрета на въезд**, что имело бы место, если бы запрет на въезд начался и, возможно, истек бы во время процедуры высылки.

В силу своего ответа на первый вопрос Суд ЕС не ответил на второй вопрос.

Дело «Х против Государственного секретаря по вопросам безопасности и правосудия Нидерландов» (Дело С-213/17),

Суд ЕС, 25 апреля 2017 г.

Нидерланды ссылаются на преюдициальное решение, касающееся временных ограничений в Дублинском Регламенте

Суд Гааги направил преюдициальный запрос в Суд ЕС по делу, касающемуся запроса на передачу ответственности согласно Дублинскому Регламенту.

Суд спрашивает, может ли Италия стать ГЧ, ответственным за заявление о международной защите, после запроса на передачу ответственности, **в то время пока Нидерланды все еще рассматривают заявление, и в Нидерландах продолжается процесс подачи апелляции.** Затем он спрашивает, должны ли Нидерланды приостановить рассмотрение жалобы заявителя или следует ли тогда передать ответственность Италии, или ответственность несут Нидерланды, поскольку они не отменили или не внесли изменения в предыдущее решение, принятое по заявлению о международной защите.

Суд ЕС рассмотрит вопрос о возможном **невыполнении Нидерландами своих обязательств согласно Статье 24 (5) Дублинского Регламента** предоставить всю соответствующую

информацию, чтобы позволить принимающему ГЧ установить свою ответственность в рамках соответствующих критериев. Он рассмотрит вопрос о том, будет ли невыполнение обязательства означать, что Нидерланды по-прежнему несут ответственность за рассмотрение заявления на защиту.

Наконец, Суд ЕС рассмотрит вопрос о том, должны ли Нидерланды взять на себя ответственность за заявление, используя дискреционные положения, изложенные в Статье 17, вместо того, чтобы пытаться заставить итальянские власти взять на себя ответственность за заявление.

Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ)* Судебные решения и коммуницированные дела

**Группа PLUS получает информацию о коммуницированных ЕСПЧ делах и решениях Страсбургского офиса УВКБ ООН*

Дело «Аль Хусин (Al Husin) против Боснии и Герцеговины» (жалоба № 10112/16), ЕСПЧ, коммуницированное 10 июля

2017 года

Лицо без гражданства из Сирии оспаривает задержание в Боснии и Герцеговине

Это дело касается заявителя, который утверждает, что является лицом без гражданства, так как он был лишен сирийского гражданства. Он был задержан боснийскими властями из соображений национальной безопасности и он оспаривает законность своего задержания. **Власти**

утверждают, что его задержание было необходимо для обеспечения принудительной высылки в безопасную третью страну. Истец находился под стражей в течение пяти лет, после чего он был освобожден под превентивные меры. Заявитель утверждает, что не мог эффективно оспорить свое задержание из-за использования правительством секретных доказательств.

Он также утверждает, что его содержание под стражей нарушало Статьи 3 и 8 ЕКПЧ. ЕСПЧ поручил сторонам ответить на вопросы по Статьям 5 (5.1 и 5.4) и 3 ЕКПЧ.

**Дело «Судита Кеита (Sudita Keita) против Венгрии»
(Жалоба № 42321/15), ЕСПЧ, коммуницированное 10 июля
2017 года.**

**Жалоба по закону Венгрии о лицах без гражданства на
основании частной и семейной жизни**

Истец в этом деле - лицо без гражданства из Сомали, которое проживает в Венгрии с 2002 года. Его заявления о предоставлении международной защиты или о признании в качестве лица без гражданства неоднократно отклонялись поскольку, как сообщили власти Венгрии, законодательство Венгрии требует «законного въезда» в страну как предварительного условия признания в качестве лица без гражданства.

После рассмотрения этого решения Конституционный суд Венгрии установил, что условие законного въезда противоречит ряду международных договоров, однако решение, имеющее только эффект *pro futuro*, не повлияло на текущее дело заявителя. В октябре 2015 года Будапештский административный и трудовой суд признал истца лицом без гражданства, однако это решение не было окончательным.

ЕСПЧ просит стороны ответить на вопросы по Статье 8 ЕКПЧ.

**Дело «Абоя Боа Джин (Aboya Boa Jean) против Мальты»
(жалоба № 62676/16), ЕСПЧ, коммуницированное 10 июля
2017 года**

**Жалоба о пересмотре содержания под стражей согласно
Статье 5 ЕКПЧ**

Заявитель является гражданином Берега Слоновой Кости, который был признан беженцем в Армении. Он отправился на Мальту и подал заявление о предоставлении убежища, заявив, что его ожидает принудительное возвращение в Берег Слоновой Кости из Армении. Мальтийские власти отказали истцу во въезде и доставили в полицейский участок, а затем задержали. Затем он был зарегистрирован в качестве просителя убежища. Его содержание под стражей было пересмотрено, но власти опирались на наличие «риска побега» в качестве основания для его задержания. Впоследствии он был освобожден из-под стражи, но ему было предъявлено обвинение в использовании фальшивого паспорта во время поездки.

Заявитель жалуется в соответствии со Статьей 5 ЕКПЧ, что его содержание под стражей является незаконным, поскольку он выполнил требования к въезду и предоставил все необходимые документальные доказательства. Он также жалуется, что при пересмотре его задержания власти не проявили добросовестности и должного усердия.

ЕСПЧ обратился к сторонам с просьбой дать ответ на вопрос о том, нарушило ли его содержание под стражей Статью 5 (5.1 и 5.4) ЕКПЧ и, в частности, соответствует ли его содержание под стражей букве закона, и был ли пересмотр дела достаточно «быстрым» согласно Статье 5.

Дело «Бакари (Basary) против Италии» (жалоба № 36986/17), ЕСПЧ, коммуницированное 5 июля 2017 года
Жалоба, касающаяся оценки возраста и защиты уязвимых заявителей в Италии

Заявитель является несовершеннолетним ребенком без сопровождения взрослых (НБСВ) из Сенегала, который утверждает, что был продан в Италию. Он был помещен в приемный центр для НБСВ, но, **во время собеседования и прохождения рентгенографического обследования** было обнаружено, что его возраст составляет примерно 19 лет. Сейчас он проживает в итальянском Центре Красного Креста в Риме и **находится под следствием за ложное заявление о своем возрасте**. Он жалуется в соответствии со Статьей 3 ЕКПЧ об условиях приема, поскольку проживает вместе с 80

взрослыми, и также со Статьей 8 ЕКПЧ в отношении условий содержания.

ЕСПЧ спрашивает, нарушают ли условия содержания в Центре Красного Креста Статью 3 ЕКПЧ, а также **«приняли ли национальные власти все меры, предусмотренные внутренним и международным правом, для обеспечения адекватной защиты заявителя, учитывая его предполагаемый статус несопровождаемого несовершеннолетнего, а именно во время процедуры оценки возраста заявителя»**. Он также спрашивает, имело ли место нарушение Статей 3 и 8 ЕКПЧ.

Дело «М.К. против Польши» (жалоба № 40503/17), ЕСПЧ, коммуницированное 13 июля 2017 года.

После 30 попыток претендовать на убежище в Тересполье заявитель подает дело в ЕСПЧ

Дело касается одного из нескольких инцидентов, которые произошли в последние месяцы **на КП Тересполь на границе между Польшей и Беларусью** (ранее описывалось в выпуске «Новости взаимодействия № 9»). Сотрудники УВКБ ООН в Беларуси и Польше сообщили о системной невозможности со стороны польских властей принять/рассмотреть заявления о предоставлении убежища, от лиц в основном чеченского происхождения, которые бежали из России с надеждой на получение убежища в Польше. В подавляющем большинстве случаев заявители возвращаются в Беларусь без регистрации их заявлений польскими властями.

Заявитель в этом случае приезжал на границу Тереспоя и подавал заявление о предоставлении убежища **более 30 раз**, в том числе подавал властям письмо с выражением своего намерения. Однажды при подаче заявления присутствовал его адвокат, но заявителю не разрешили общаться со своим представителем.

Он прибыл с подтверждением временной меры согласно Правилу 39, выданным ЕСПЧ, с инструкцией польским пограничникам не возвращать заявителя в Беларусь. Несмотря на это, польские пограничники вернули его в Беларусь в тот день. Изложение фактов включает письмо, выданное Министерством внутренних дел Польши, в котором говорится, что заявитель не подавал заявление о международной защите и не был «выслан» с польской территории, поскольку он на нее фактически не въезжал. Заявитель утверждал, что такое обращение **нарушило Ст. Протокола 4 ЕКПЧ**, а также Ст. 3 и 13 и Ст. 34 ЕКПЧ (несоблюдение временной меры).

ЕСПЧ задал вопросы по Статье 3 об отказе принять заявление о предоставлении защиты, независимо от того, будет ли нарушена Статья 3, если заявитель подлежал высылке, независимо от того, нарушило ли обращение на границе Статью 3 и был ли он коллективно изгнан в нарушение статьи 4 Протокола 4 ЕКПЧ. Он также спрашивает, нарушает ли Статья 34 отказ соблюдать временную меру.

Дело «Р.К. против России» (жалоба № 30261/17), ЕСПЧ, коммуницированное 11 июля 2017 года

Судебный надзор за задержанием в России, рассмотрение в ЕСПЧ

Заявитель является гражданином ДРК, который содержится под стражей в России. В марте 2016 года он подал заявление о предоставлении убежища в России, и его заявление было отклонено как не заслуживающее доверия. Он был задержан в ожидании административной высылки с марта 2017 года. В апреле 2017 года истец подал еще одно заявление, которое все еще находится на рассмотрении. Он утверждает, что после возврата в ДРК подвергнется обращению, противоречащему Ст. 2 и 3 ЕКПЧ, и жалуется, что не имел возможности эффективно оспорить свою высылку в нарушение Ст. 13 ЕКПЧ. Он оспаривает законность своего содержания под стражей согласно Статье 5 ЕКПЧ (на основании пунктов 5.1 и 5.4).

ЕСПЧ поручил сторонам ответить на вопросы по Статьям 2 и 3 в свете возвращения заявителя в ДРК. Он задает вопросы по жалобе согласно Статье 13, в том числе о **требовании независимого и тщательного изучения, и о приостановлении его высылки** (в частности, поскольку наказание высылкой было обязательным). Кроме того, он спрашивает, требует ли законодательство РФ автоматического приостановления высылки **на всех этапах процесса предоставления убежища (включая судебный пересмотр)**. Он спрашивает, является ли заявление о предоставлении статуса беженца эффективным средством правовой защиты от административной высылки, а

также, имеет ли такое заявление автоматический приостанавливающий эффект. Он также спрашивает, была ли нарушена Статья 5, с просьбой дать ответ в отношении правового основания для задержания и была ли предусмотрена **необходимая предсказуемость и четкий срок**. Наконец, он спрашивает, может ли заявитель пересмотреть свое содержание под стражей в соответствии со Статьей 5.4.

Дела «Мохамед (Mokhamed) против России» и «Вайель (Vayel) против России» (жалобы № 46601/16 и 46741/16), ЕСПЧ, коммуницированные 12 июля 2017 года

ЕСПЧ выполнит пересмотр условий содержания и судебного надзора в России

Эти два идентичных случая касаются двух граждан Судана, которые прибыли в Россию в марте 2016 года по студенческим визам, но на учебу не явились. Затем они были арестованы властями, которые пришли к выводу, что истцы солгали в отношении цели своего пребывания в России и что на самом деле они намеревались отправиться в Финляндию/ЕС.

Был выдан ордер на их административную высылку в Судан, который они обжаловали, сославшись на **риск нарушения Статьи 3 ЕКПЧ по возвращении**. Затем они подали заявления о предоставлении убежища, которые находятся на рассмотрении. Их апелляции на административную высылку были отклонены на основании того, что **они подали заявление о предоставлении студенческих виз, а не виз беженцев**. Заявители жалуются согласно Статье 3 ЕКПЧ на условия

содержания в изоляторах для иностранных граждан, ожидающих депортации. Они также жалуются в соответствии со Статьей 5 ЕКПЧ (5.1 и 5.4) о продолжительности задержания и отсутствии возможности обжаловать решение.

ЕСПЧ спрашивает, были ли истцы высланы и как долго они содержались под стражей. Также спрашивает об условиях содержания под стражей в контексте Статьи 3 ЕКПЧ, о законности задержания и возможности оспорить содержание под стражей согласно Статье 5 ЕКПЧ.

Дело «А.Г. и М.М. против Нидерландов» (жалоба № 40392/16), ЕСПЧ, коммуницированное 15 июня 2017 года
Жалоба в ЕСПЧ в отношении афганских родителей с ребенком, рожденным вне брака

Истцы в этом деле - граждане Афганистана, которые с детства проживали в Иране. В 2015 году они подали заявления на предоставление убежища в Нидерландах. Истцы заявили в этой связи, что имели внебрачные отношения, в результате которых А.Г. забеременела и родила ребенка в Нидерландах. Заявления на предоставление убежища были отклонены из соображений достоверности. Впоследствии были предприняты шаги по их высылке из Нидерландов. Однако в ходе процесса рассмотрения, **в результате обмена информацией между голландскими и афганскими властями, последним была предоставлена информация, свидетельствующая о том, что у заявителей был внебрачный**

ребенок, что в Афганистане считается уголовным преступлением.

Заявители жалуются, что возвращение в Иран или Афганистан подвергнет их обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции.

Дело «Ахмед Херси Мухьядин (Ahmed Hersi Muhyadin) и другие против Венгрии» (жалоба № 22934/17), ЕСПЧ, коммуницированное 24 марта 2017 года.

Дело о НБСВ в транзитной зоне, ЕСПЧ рассмотрит новую политику предоставления убежища Венгрии

ЕСПЧ коммуницировал изложение фактов по делу, касающемуся возможной передачи группы НБСВ в транзитную зону на границе между Венгрией и Сербией. Истцы родом из Сомали, Сирии, Египта, Афганистана, Гамбии, Ирака и Пакистана. ЕСПЧ ранее удовлетворил просьбу заявителей относительно временной меры в соответствии с Правилем 39.

Ситуация возникла в свете **«чрезвычайного положения из-за массовой миграции»** в марте 2017 года, в результате чего было введено новое законодательство, согласно которому НБСВ в возрасте от 14 до 18 лет **считаются взрослыми**. В новом законодательстве также предусматривается массовое размещение лиц, ищущих убежище, в транзитных зонах на время рассмотрения заявления о предоставлении убежища или в ожидании перевода в другое ГЧ согласно Дублинскому Регламенту.

Этим лицам разрешено покидать транзитные зоны в направлении Сербии. Законодательство применяется ретроспективно, и в изложении фактов отмечается, что передача заявителей в настоящем деле «считается вероятной».

Заявители утверждали, что они подвергнутся риску нарушения Ст. 3 ЕКПЧ, поскольку будут подвергаться неблагоприятным условиям в транзитных зонах, особенно в свете их уязвимости. Они также утверждают, что подвергаются риску принудительного возвращения (в Сербию, затем в БЮРМ, затем в Грецию). Наконец, согласно Ст. 5 ЕКПЧ, они оспаривают законность лишения свободы, которое будет иметь место в транзитной зоне, заявив, что они не будут иметь эффективного доступа к судебному надзору.

ЕСПЧ обратился к сторонам с просьбой ответить на вопросы, касающиеся: **материальных условий** в транзитной зоне, будет ли их требование по Ст. 3 рассмотрено властями **до их высылки в Сербию**, будет ли «размещение» в транзитной зоне **нарушением Ст. 5 ЕКПЧ** и доступно ли заявителям **эффективного средства правовой защиты** в контексте Ст. 5 (4) ЕКПЧ.

Существует еще 6 дел, ожидающих рассмотрения в ЕСПЧ. Некоторые из них касаются уязвимых заявителей, включая НБСВ. ЕСПЧ предоставил несколько промежуточных мер согласно Правилу 39. Некоторые из них были соблюдены, другие - нет.

*Благодарим коллег из Венгрии за информацию об этих делах.

Национальные суды

Административный апелляционный суд Лиона, 27 июня 2017 года, Дело №. 17LY00193

Истцы должны быть лично уведомлены о слушании, даже если у них есть адвокат

Административный апелляционный суд Лиона вынес постановление по делу гражданина Мали, который подал заявление о предоставлении убежища во Франции и который обжаловал решение Административного трибунала в Дижоне. Трибунал **отклонил его жалобу по поводу перевода в Италию согласно Дублинскому Регламенту**. Заявитель утверждал, что он не был уведомлен о слушании в Административном трибунале и по этой причине не имел возможности обосновать свой протест по поводу решения о передаче.

Административный апелляционный суд согласился с истцом и постановил, что на основании применимых национальных законов заявитель должен был лично быть вызван на слушание, даже если у него есть адвокат. Таким образом, Апелляционный суд отменил решение нижестоящего трибунала и приказал принять новое решение, которое на этот раз позволит заявителю обосновать свои претензии.

*Эта информация была впервые опубликована в юридическом еженедельнике «ELENA Weekly Legal Update».

Государственный совет Нидерландов, 30 июня 2017 года, Дело №. 201703724/1/V3
Передачи в Италию прекращены из-за отсутствия индивидуальных гарантий

Государственный совет Нидерландов прекратил передачу в Италию согласно Дублинскому Регламенту **из-за отсутствия индивидуальных гарантий** в отношении лечения Посттравматического Стрессового Расстройства (ПТСР) у несовершеннолетнего. Аналогичным образом, в деле, рассматриваемом Судом первой инстанции в Гааге, перевод в Италию был прекращен из-за **отсутствия ясности и гарантий**, требуемых государственным секретарем у властей Италии.

В первом деле 12-летняя дочь двух истцов страдала от тяжелой формы ПТСР, от которого она получала специализированное лечение в Нидерландах, прерывать которое, по мнению медицинского специалиста, недопустимо. Вопреки этому, государственный секретарь сообщил итальянским властям, что девочка пострадала от пыток или физического насилия, но в настоящее время лечение она не получает. В сообщении о ПТСР вообще не было упомянуто. Таким образом, Государственный совет постановил, что **государственный секретарь передал недостаточную и неверную информацию и, тем самым, действовал халатно**. Апелляция была удовлетворена, а передача прекращена. Поэтому государственный секретарь обязан принять новое решение с учетом этого постановления суда.

Дело в Суде первой инстанции Гааги касалось перевода в Италию согласно Дублинскому Регламенту истца, который ранее был переведен из Швейцарии в Италию в соответствии с Регламентом «Дублин III». В этом случае и через день после передачи итальянские власти уже приняли отрицательное решение, которое не содержало подробностей о статусе процедуры или информации о слушании истца.

Истец заявил, что итальянские власти не предоставили ему возможности обосновать его ходатайство о предоставлении убежища. Суд Гааги решил, что это свидетельствует о том, что власти Нидерландов не могут автоматически принять межгосударственный принцип законных ожиданий и что власти Нидерландов должны сначала разослать информацию о процедуре после того, как заявитель был переведен из Швейцарии. Возникает несколько вопросов в отношении наличия слушания, задержания и процедуры предоставления убежища.

Суд пришел к выводу, что ответы на эти вопросы имеют отношение к делу, поскольку покажут, **могут ли власти Нидерландов принять межгосударственный принцип законных ожиданий** и сможет ли заявитель должным образом обосновать свое заявление о предоставлении убежища. Ввиду вышеизложенного Суд прекратил передачу.

Прочие новости

Письменные материалы центра «AIRE» и Европейского совета по делам беженцев и изгнанников (ЕСБИ) по делу «Дарбоэ и Камара (*Darboe and Camara*) против Италии»

ЕСПЧ, (Жалоба № 5797/17), 5 июля 2017 года

Письменное вмешательство третьей стороны, подготовленное центром «AIRE» и ЕСБИ, было представлено в ЕСПЧ для рассмотрения по делу «Дарбоэ и Камара (*Darboe and Camara*) против Италии». Это дело касается двух несопровождаемых несовершеннолетних, которые проживали в приемном центре Коны, и процедур оценки возраста, которым они подвергались. ЕСПЧ ранее предоставил временную меру согласно Правилу 39, распорядившись, чтобы правительство Италии передало несовершеннолетних из центра приема для взрослых в Коне в приемник, приспособленный для детей.

Истцы жалуются, что из-за условий приема в приемном центре они подвергались бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение Статьи 3 ЕКПЧ. Кроме того, они жалуются, что итальянские власти не приняли никаких мер защиты, и заявляют, что процедурные гарантии в нарушение Статей 3 и 8 ЕКПЧ в отношении процедур оценки возраста отсутствовали.

В материалах основное внимание уделяется статусу детей как «уязвимых лиц» в рамках ЕКПЧ и других источников международного права, таких как Конвенция о правах ребенка. ЕСБИ/AIRE утверждают, что «из-за потенциального воздействия на моральную и физическую неприкосновенность субъекта процедуры оценки возраста подпадают под действие мер, действий или упущений, описанных в Статье 8 ЕКПЧ, и поэтому должны соблюдать установленные в ней требования» (п. 9). В материалах рассматриваются проблемы неопределенности оценки возраста и, в частности, проблемы медицинских осмотров. ЕСБИ/AIRE ссылаются на Комитет ООН по правам ребенка, предложив, чтобы «руководящие принципы оценки возраста совпадали с наилучшими интересами ребенка и имели кредит доверия» (пункт 13).

Далее в материале рассматриваются недостатки условий приема для НБСВ в Италии и уделяется особое внимание стандартам, закрепленным в ХЕСОП и сводом норм ЕС в области убежища.

ЕСБИ/AIRE заключили, что любое внутреннее законодательство или административная политика государств-членов ЕС, осуществляющих законодательство ЕС, не могут быть истолкованы таким образом, чтобы игнорировать основные права. В этом материале подчеркивается, что, если речь идет о детях, обратившихся за предоставлением убежища, их лучшие интересы, уязвимость и человеческое достоинство, защищенные ХПЧ и вторичным

правом ЕС, «должны быть движущей силой всех относящихся к ним решений» (п. 44).